

4

Красная звезда. - 1995. - 31 окт. -

Творчество актера и режиссера кино, народного артиста России Владимира Меньшова вряд ли нуждается в рекламе. Вспомнить хотя бы сыгранные им главные роли в фильмах «Человек на своем месте», «Последняя встреча», «Собственное мнение», «Где находится нофелет?», «Чтобы выжить» (всего актерских работ у него больше тридцати). Блестящий режиссерский дебют - удостоенный Госпремии «Розыгрыш». Следом фильмы любимые, без преувеличения, всеми, - «Москва слезам не верит» и «Любовь и голуби».

Но странное дело: человек с таким громким именем, обладатель «Оскара», никогда не был модным ни в своей кинематографической среде, ни для прессы. Он не мелькает на ТВ, не засвечивается на многочисленных тусовках. Как бы не на виду...

- Нет, это не совсем так. И в газетах, и на экранах телевизоров я появляюсь довольно часто, а в последнее время в связи с рекламной кампанией по поводу фильма «Ширли-мырли», может быть, даже излишне часто. Другое дело, что зрители ощущают меня несколько чужим в кинематографической компании, да и сам я никогда не чувствовал себя в ней своим.

- Довольно неожиданное признание человека, жизнь которого почти четверть века связана с кино.

- А вспомните Шукшина, который мечтал выбраться из Москвы на постоянное жительство куда-нибудь в деревню, если бы только там была киностудия. Классически описал подобную ситуацию «своего-чужого» Булгаков в «Театральном романе», когда мир искусства, в который вступает неопит, и неодолимо тянет к себе, и с такой же силой отталкивает по причине неискренности, клановости, интриганства.

- Вам тоже довелось столкнуться с этой альтернативой?

- Еще как! Я приехал в Москву из провинции, из бесхитростной среды, где «да» - это да, а «нет» - определенно нет. И какое же потрясение испытывал я, когда известные актеры после очередной премьеры спектакля (я учился сначала в школе-студии МХАТ) в кулуарах разносили его в клочья, а потом без паузы - при появлении режиссера - начинали превозносить постановку до небес. А самого режиссера заключали в объятия со словами: «Гений! Талантище!» Помню, я даже «страшную» клятву дал, что никогда не позволю себе такой фальши, что всегда буду говорить только правду. В результате набил множество врагов и репутацию неудобного человека.

- И теперь вы советуете своим ученикам соглашаться с общепринятыми правилами поведения?

- Нет, я учу их в любом явлении, в каждом произведении искусства видеть прежде всего хорошее, отыскивать достоинства, а не недостатки. Потому что подметить дурное и неудачное гораздо проще и легче. Да и нелицеприятные, пусть и честные, слова в чей-то адрес могут обернуться жестокостью, потому что многие люди попросту не выдерживают голой правды о себе, у них «пробки перегорают».

Но и перебрать с такой дипломатией опасно, потому что хроническая неискренность чрезвычайно изнашивает душу, а она у художника - его рабочий инструмент, орудие производства, если хотите. Думаю, будь я более покладистым человеком, никогда не появился бы на свет «Москва слезам не верит».

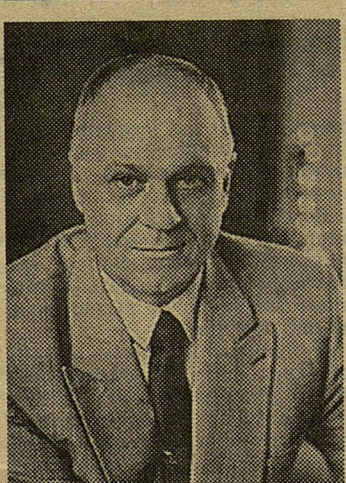
- Какая же связь между вашим характером и этим фильмом?

- Самая прямая. Сейчас уже позабылось, какой уничтожающей критике была подвергнута эта картина моими коллегами-кинематографистами после ее выхода на экраны. Чем длиннее стояли очереди в кинотеатры, тем обильнее были потоки хулы в ее адрес. В течение нескольких месяцев я засыпал и просыпался с мучительным желанием понять истоки этого активного неприятия фильма...

- А может, не стоило так глубоко копать? Ответ, по-моему, на поверхности: зависть...

- Нет, это слишком простое объяснение. Зависть - только одна из составляющих. Главная же причина нелюбви к фильму заключалась, как я понял, в том, что я нарушил некие неписанные, но хорошо всем понятные правила игры. Согласно этим правилам, настоящее кино якобы создается для небольшой группы людей, а массовый успех означает потакание дурным вкусам зрителей. Сама картина должна быть насквозь пропитана иллюзиями, а через равномерные промежутки времени должны выпирать фиговые карманы. Тогда зритель догадается, что жить в этой стране порядочному человеку невозможно. Финал фильма - любого! - необходимо было делать трагическим, на худой конец - невыно-

Званный гость

симо грустным, чтобы умные люди понимали, что и впереди ничего хорошего нас не ждет. Наконец, не должно было быть никакой жанровой определенности, жанр - это заведомая пошлость. Зато философское эссе, взгляд в «ничто» - вот настоящее искусство...

Ни одна из этих заповедей в «Москва слезам не верит» соблюдена не была, и это было воспринято общественным кинематографическим мнением едва ли не как штрейкбрехерство.

- Но когда Американская академия кинематографического искусства присудила вам «Оскара», ситуация, вероятно, изменилась?

- В 1981 году «Оскара» вручали в

мал еще лет пять назад. Все-таки недаром лучший роман о войне 1812-го написан через пятьдесят лет после ее окончания. Настоящим произведением искусства всякая злободневность должна быть пропущена через фильтр времени.

«Ширли-мырли» возникли случайно, из шутки, сюжет соткался из ни к чему не обязывающих фантазий, которыми я занимался вместе с соавторами Андреем Самсоновым и Виталием Москаленко. Но чем глубже уходил я в эту историю, тем отчетливее понимал, что в ней есть какая-то адекватность нашему времени, несмотря на всю абсурдность происходящего. Или благодаря этому. В конце концов я решился на постановку этого фильма и сейчас очень доволен своей решимостью. Мне кажется, что фарс больше скажет людям о нашей «эпохе перемен», чем всякого рода художественно-публицистические произведения.

- И последний вопрос, Владимир Валентинович. Мне рассказывали, что недавно на встрече со слушателями одной из военных академий вы сказали: не нужно заискивать перед творческой интеллигенцией, будьте сильными - и она сама к вам придет. Я правильно передаю смысл?

- Правильно. Я говорил это в связи с событиями в Чечне, когда наши газеты и телевидение подняли неприличный визг по поводу страданий чеченского народа (о том, что происходило там с русскими в течение трех лет, они знать не желали). Может быть, и был вариант мирного решения

Владимир МЕНШОВ:

Будь сильной, армия России!

Лос-Анджелесе 31 марта, а у нас уже началось 1 апреля, поэтому в течение целого дня никто не мог поверить в этот факт, все воспринимали сообщения об «Оскаре» как несмешной розыгрыш. В голову никому не могло прийти, что «Москва...» может получить высшую в мире кино награду.

- Но вы-то, стоя на сцене под прожекторами со статуэткой в руках, были счастливы?

- Да не стоял я нигде, ибо был в то время «невыездным», и за «Оскаром» меня просто не выпустили. Сейчас очень любят рассказывать о кознях КГБ, о всеили партии. А между тем, когда я пробился к высокому начальству, чтобы понять, за что я попал под подозрение, то мне открытым текстом сказали: «На вас лежат два заявления от ваших коллег, мы просто обязаны были принять меры». Думаю, если бы сейчас КГБ опубликовал списки своих добровольных «помощников», многие из нынешних обличителей советской власти стали бы пушечными от стыда.

- Знаете, трудно вообразить, что стало бы с героями «Москвы...», перенеслись они в наше смутное время. «Новых русских» из них, скорее всего, не получилось бы...

- Когда картина вышла на экраны, многие спрашивали, что это означает - «Москва слезам не верит»? Не понимали смысла этой поговорки. Теперь уже и дети знают, что «Москва бьет с носка», а уж каким слезам она не верит!.. Посмотрите, с какими отчужденными лицами проходят москвичи мимо несчастных людей с плакатиками на шеях, а там ведь что ни текст, то человеческая трагедия - беженец, негде жить, не на что кормить детей, нет денег на операцию... А рядом - разъявшиеся морды за затемненными окнами «мерседесов»... Москву уже пучит от дурных, наворованных денег. И все это называют красивым словом «реформы». Честное слово, хочется подольше пожить, чтобы своими глазами увидеть, как отомстится всем этим негодям, ввергнувшим страну в испытание более страшное, чем война.

- И тем не менее в это тяжелое время вы делаете дорогой, шикарный постановочный фильм, в котором заняты чуть ли не все звезды российского кинематографа, - «Ширли-мырли».

- После фильма «Любовь и голуби» у меня получилась огромная, неприличная десятилетняя пауза, когда я ничего не снимал. Связано это было прежде всего с «перестройкой», которая помешала в обществе ориентиров, систему ценностей. Мне все хотелось снять что-то глобальное, высказаться по поводу происходящего вокруг. Много было замыслов, и какое счастье, что ни один из них я не довел до конца! Мне было бы не довел, а то и стыдно за многие позиции, которые я зани-

этой проблемы, но если уж ввязались в драку, то нужно в ней побеждать, и подло в этот момент хватать одного из дерущихся за руки, а то и стрелять в него сзади исподтишка.

А творческая интеллигенция, точнее, иные ее представители, по обыкновению пошли на борьбу с армией в первых рядах. Здесь хотелось бы заметить, что популярность человека, как бы это помягче сказать, не всегда соответствует уровню его интеллекта. В нашем обществе традиционно уважение к творческим людям, и этим активно пользовались последние десять лет всякого рода политические интриганы. Вы посмотрите, как только не подставлялась за это время наша творческая элита. И на Горбачева молилась, а потом на чистом глазу отрекалась от него. И Ельцина на щит поднимала (я хорошо помню холуйское полотно, висевшее поперек улицы Горького, - «Президент, кинематографисты с Вами!»), а с началом военных действий в Чечне нашими интеллигентам не осталось ничего другого, как объяснять, что Ельцина якобы неправильно информируют. И расстрел парламента злорадно радовались наши властители умов, а теперь рассказывают, что они не это имели в виду...

Я не забыл, как начинались эти атаки на армию. Тбилиси, 1989 год. Скорбные лица грузинских интеллигентов на экране телевизора, которые не могут простить этой «бесчеловечной» армии и этой «имперской» России многовекового унижения Грузии... В последнее время я все чаще встречаю эти лица на московских улицах: они переживают в столице «враждебного» государства, когда на их родине закончится свара, которую они так активно раздували вначале.

А Борис Васильев, замечательный писатель, договорился тогда до того, что он не может ни о чем больше писать и говорить, такое страшное впечатление произвели на него тбилисские события. И сейчас считает, я уверен, что он лично не имеет никакого отношения к последующему развитию событий: приходу к власти Гамсахурдиа, бомбежке Сухуми...

Какая, к черту, творческая интеллигенция! Интеллигентность - это прежде всего ответственность. За свои слова, за свои поступки. А с этих - как с гуся вода. Уйдет Ельцин, они нового президента примутся славословить в надежде, что перепадет что-то с барского стола. Силу они уважают, так что армия просто обязана быть сильной. Тогда и будет у нее огромное количество друзей из среды творческой интеллигенции.

Беседовал
Владислав ПАВЛЮТКИН,
«Красная звезда».